

В.В. ТАБУНОВ

г. Могилев, УО «МГУ им. А. А. Кулешова»

ЕПИСКОП МОГИЛЕВСКИЙ И МСТИСЛАВСКИЙ СТЕФАН (И. АРХАНГЕЛЬСКИЙ) О РЕФОРМЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

В начале XX столетия православная церковь в Российской империи оставалась частью государственного механизма. В стране была создана патерналистская система юридической защиты ее авторитета [1, с. 192]. Главной чертой церковно-государственных отношений был жесткий контроль со стороны правительства за жизнью церкви. Во всяком отклонении от православия виделось покушение на незыблемость существующего государственного строя. Ни один серьезный вопрос по ее управлению не мог быть решен без одобрения императора, а на местах – без согласования с губернской администрацией. Православная церковь была тесным образом интегрирована с государственными структурами. Сочетание интересов правящего режима и православия традиционно воспринимались как основа и опора государства и церкви [2, с. 4]. В результате в церкви «водворялась покорная корректность при холодном безучастии и канцелярской мелочности» [3, с. 280]. Подчиненное положение церкви вызывало недовольство большинства священников [4, с. 24], требующих реформирования «ведомства православного исповедания».

Предложения о преобразовании института православной церкви нашли широкий отклик в среде православного духовенства белорусских земель, в том числе и Могилевской епархии. Наиболее полное выражение они получили в отзыве епископа Могилевского и Мстиславского Стефана (Н. Архангельский) в Синод по поводу положения «первенствующего» вероисповедания.

В нем он высказал идею о созыве поместного собора для решения всех внутрицерковных вопросов (сокращение богослужения, пересмотр взаимоотношений со старообрядцами, разрешение проблемы смешанных браков и др.). При этом предполагалось на предстоящем соборе наделить правом решающего голоса только епархиальное начальство. Миряне и рядовые священники могли обладать только совещательным голосом. На соборе должны были состояться и выборы патриарха [5, с. 143].

По мнению епископа, «собору поместному» должны были предшествовать «соборы областные, митрополичьи», а им – «соборы епархиальные», последним – «благочиннические и приходские собрания», чтобы таким образом могло быть осуществлено представительство

клира и мирян, как от низших, так и от высших организаций «дабы неразрешенные церковные вопросы на низшей инстанции могли получить компетентное разрешение» в вышестоящих. Поместному собору, как «свободному и полномочному органу», должна была принадлежать вся полнота власти в церковном законодательстве «в отношении ко всей церкви и по всем частям церковной жизни»: в области веры и нравственности, церковной дисциплины и строя церковного управления». Он созывался при участии монарха по мере надобности через более или менее значительные промежутки времени» [5, с. 143, 144–145].

Епископ высказался за разделение России на церковные округа. Их центры предполагалось образовать в Петербурге, Москве, Киеве, Вильно, Харькове, Казани, Астрахани, Иркутске и Тифлисе. Собирающиеся в них митрополичьи соборы решали бы следующие вопросы: избрание и назначение епископов, разбирательство судебных дел – в этом плане соборы служили бы второй инстанцией для мирян и клириков в «пререканиях их с епископам» и первой инстанцией для самих епископов, избрание и увольнение ректора местной духовной академии, а также профессоров, высказывавших какие-либо крамольные идеи. По его мнению, «частое соборное единение представителей церкви не может не быть великой моральной силой». Соборы должны были проводиться 1–2 раза в год, решающим голосом при этом наделялись только епископы. Митрополит, возглавлявший округ, подлежал избранию на областном соборе и утверждался в должности патриархом. Он имел право созывать областные соборы, председательствовать на них, утверждал в должности епископов. Управление всеми округами находилось в компетенции патриарха, избираемого поместным собором и вступающего в свои права «с соизволения государя». Церковью он управлял «посредством окружного патриаршего собора», которому принадлежала высшая административная и судебная власть в церкви. Состоял этот орган из постоянных членов, избираемых областными соборами и из епископов, «поочередно вызываемых из епархий, по одному из каждого округа». Патриарх также наблюдал за соблюдением церковных канонов в епархиях [5, с. 139–143].

В отношении церковного суда иерарх считал необходимым разделить его на несколько инстанций: первая инстанция предназначалась для священников «в их взаимоотношениях» и для жалоб мирян на «незаконные действия» представителей духовенства. Она сосредотачивалась в благочинническом совете, что предоставляло возможность «производить суд на месте». В ведении этого суда сосредотачивались дела, влекущие за собой «замечание, выговор и денежный штраф». Для осуществления следствия надлежало ввести специальную должность следователя-священника, избираемого на благочинническом собрании. По более важным делам, влекущим более суровые наказания,

– заключение в монастырь, лишение сана и др. процессуальная сторона дела предоставлялась ведению благочиннического совета, а вынесение приговора осуществлял епископ и пресвитерский совет. В данной инстанции следствием занимался епархиальный следователь. Второй судебной инстанцией по апелляциям на решения епархиального суда и первой инстанцией по решению дел, касающихся епископов, должен был стать митрополичий суд. Последней инстанцией для рядовых священников, а для епископов – второй, должен был являться поместный патриарший суд [5, с. 135].

По мнению епископа, вопрос преобразования духовных школ мог быть положительно решен только при соблюдении следующих принципов: полное отделение для детей духовенства общего образования от специально богословского; свободный доступ для получения богословского образования выходцам из всех сословий. Для успешного претворения в жизнь этих принципов требовалось устроить для детей духовенства прогимназии или полные гимназии с курсом и правами таких же учебных заведений министерства народного просвещения. Для собственно подготовки к священничеству в каждой епархии было необходимо открыть специальные богословские курсы, имеющие 4-годовалый период обучения и «строго церковный режим воспитания и образования». Курсы могли посещать учащиеся всех учебных заведений, проявившие себя «религиозной настроенностью и нравственной жизнью». После окончания курсов выпускникам предоставлялось право поступать «только в духовные академии». Предпочтение в подготовке желающих поступать на указанные курсы отдавалось церковной второклассной школе «с расширением на один год» срока обучения в ней [5, с. 136].

Большое значение епископ Стефан придавал делу преобразования прихода. Согласно его точке зрения от жизнеспособности прихода зависела «жизнедеятельность всего церковного организма». Мероприятия по реформированию прихода сводились им к следующему: придание приходу прав юридического лица по «ведению, приобретению и расходованию движимого и недвижимого имущества всеми порядками и способами», разрешенными законом; наделение приходской общины правом распоряжения всеми церковными средствами, «свободными за покрытием расходов по содержанию храма и налогов общецерковных, епархиальных и окружных благочиннических»; превращение церковной общины в целях утверждения и распространения православия в «прочный религиозно-нравственный союз»; в решении внутренних церковно-экономических, нравственных вопросов предоставить приходу права автономной единицы в составе православной церкви. Воссозданная на таких началах приходская община получает в свою компетенцию для последующего решения ряд вопросов: забота о благоустройстве и содержании храмов, кладбищ, всех благотворительных

и просветительных учреждений епархии; осуществление контроля за экономической деятельностью и внутренней жизнью приходских учреждений (воспитание подрастающего поколения, избрание и назначение учителей и т. д.); выполнение религиозно-нравственных функций (борьба с распространением сектантской пропаганды, решение вопроса о принятии или непринятии в свою среду перешедших в православие из другой веры лиц; выполнение роли третейского безапелляционного суда по делам чести и имущества и др.); решение «в качестве первичной административной единицы» брачных дел. Предоставление же членам приходской общины права избирать священников епископ полагал делом преждевременным. Это право он предлагал оставить за епархиальной властью. Для управления делами прихода следовало образовать два органа: распорядительный – церковно-приходские собрания; исполнительный – церковно-приходской совет. В состав первых входили члены причта и все прихожане, достигшие 25-летнего возраста, «не опороченные по суду» и регулярно посещавшие богослужения. В состав второго органа входили члены причта, церковный староста и от 7 до 12 выборных представителей от прихожан. Председательствовал на них приходской настоятель. Собрания созывались «не менее одного раза в год» и включали в круг своей деятельности следующие вопросы: избрание всех должностных лиц в приходе, кроме священников и представителей от общины, для участия в благотворительных собраниях и советах; заведование всеми финансовыми делами общины «в качестве ее распорядительного органа»; обсуждение состояния нравственности среди прихожан с последующим доведением сведений о всех принятых решениях до окружного благочинного. Для признания собрания правомочным было необходимо присутствие 2/3 членов общины. Дела решались большинством голосов. В круг дел церковно-приходских советов, собирающихся ежемесячно, входили вопросы: заведование приходскими и церковными суммами, внесение на рассмотрение собрания различных проектов, «вызванных нуждами прихода», отчет перед собранием о проделанной работе и состоянии церковно-приходского хозяйства. Совет признавался действительным при присутствии на нем «более половины членов». Дела, также как и в собраниях, решались большинством голосов. Должность казначея в обоих случаях исполнял староста. Особыми должностными лицами в приходе являлись церковный староста, исполняющий обязанности казначея и в собраниях, и в советах, а также диаконы, принимавшие участие в приходских советах с правом совещательного голоса [5, с. 124–128].

За епархиальными съездами епископ считал возможным оставить только чисто экономические функции, поскольку придерживался точки зрения, что они вообще не могут быть признаны «подходящей нормой для соборного епархиального управления» принимая во вни-

мание предполагающуюся коренную реформу всего церковного строя». Их место должны были занять епархиальные соборы [5, с. 131].

Епархиальный архиерей высказался за активное участие духовенства в общественной жизни: «поскольку проектируемая реформа церковного строя имеет в виду оживление религиозной жизни среди пасты через широкое привлечение мирян к непосредственному участию во всех сферах деятельности церкви, постольку же желательно воздействию церкви на жизнь пасты и через участие ее пастырей в разного рода светских общественных коллегиях» [5, с. 136].

Таким образом, чересчур плотная опека государства за жизнедеятельностью православной церкви в Российской империи начала XX века привела к осознанию большей частью духовенства неканоничности своего положения, что нашло выражение в требованиях по осуществлению реформирования церковного института. В необходимости проведения преобразований было убеждено и священство епархий, располагавшихся на белорусских землях, в том числе Могилевской и Мстиславской. Наиболее завершенное обоснование данные убеждения духовенства Могилевщины нашли в отзыве епископа Стефана, выступавшего за проведение коренных изменений «ведомства православного исповедания».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачинин В.А. Византизм и евангелизм. генеалогия русского протестантизма: очерки исторической социологии религиозно-гражданской жизни / В.А. Бачинин. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 366 с.
2. Овчинников В.Г. Русская православная церковь в XX веке / В.Г. Овчинников // Преподавание истории в школе. – 1992. – № 1–2. – С. 4–8.
3. Шавельский Г.В. Русская церковь перед революцией / Г.В. Шавельский. – Москва: Издательство «Артос-Медиа», 2005. – 512 с.
4. Правда о религии в России; редкол. митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич), профессор книговедения, прихожанин кафедрального собора г. Москвы Г.П. Георгиевский, протоиерей Николо-Кузнецкой церкви г. Москвы А.П. Смирнов, Предисловие и послесловие патриаршего местоблюстителя Сергия (Страгородского), митрополита Московского и Коломенского. – Москва: Московская патриархия, 1942. – 457 с.
5. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе / Материалы по истории церкви. Кн. 33 в 2-х ч. Ч. 1; ист. введ. А.Ю. Полунова, И.В. Соловьева; ред. кол. В. Чаплин [и др.] – Москва: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2004. – 1031 с.